

Незамысловатый политический анамнез Венесуэлы сопровождается неожиданным сюжетом, который не только развлекает скуку очередного разговора об «оранжевых революциях», но и проливает свет на серьезные вопросы вроде исторически неизбежной моральной деградации всякого революционного процесса.

Сюжет, о котором идет речь, — это одновременный отказ от национальной валюты боливар и жителей Венесуэлы, и правительства Николаса Мадуро.

Исход рядовых венесуэльцев в криптовалюту Dash объясняется здравым смыслом: куда еще прикажете уходить в государстве, где годовая инфляция национальных денег достигла 373 тысяч процентов (!), а использование доллара запрещено законом?

Сложнее с мотивацией Мадуро. Велик соблазн впасть в конспирологию и предположить, что государственная криптовалюта Petro — это операция под ложным флагом, направленная на дискредитацию самого понятия криптовалют.

Если что-то и есть конспирологического в криптовалютных играх Венесуэлы, так это путаница с терминологией. Народная любимица Dash — самая настоящая и бескомпромиссная крипта, а вот детище Мадуро Petro — профанация — то ли сознательная, то ли по недомыслию.

Все началось с того, что на десятом году социалистической революции национальную валюту боливар переименовали в «сильный боливар» (боливар фуэрте), открутив от номинала три нуля, которые выросли в борьбе с мировым империализмом.

Сильный боливар зафиксировали на уровне 2,15 за доллар. В 2010 году курс понизили до 2,60. В 2011-м — до 4,3. В 2013-м — до 10. В 2014-м — до 50.

Поскольку национальная валюта Боливарианской Республики Венесуэла не была свободной конвертируемой, в 2015 году начались «советские» игры: на черном рынке за доллар давали уже 150, зато официальный курс боливара фуэрте повысили до 6,35.

20 августа 2018 года Николас Мадуро провел вторую финансовую реформу: обменял сильный боливар на суверенный (боливар собрано) по курсу 100 тысяч «сильных» бумажек за 1 «суверенную».

Была во второй девальвации и революционная компонента: суверенный боливар привязали к Petro — национальной криптовалюте, придуманной в декабре 2017 года.

Суверенному боливару привязка, однако, на пользу не пошла: если в марте 2018 года за чашку кофе в Каракасе просили 0,75 сильных боливаров, то сегодня за нее берут уже 2800 суверенных боливаров. Если вспомнить, что летом открутили пять нулей, то получается, что чашка кофе стоит 280 миллионов старых (сильных) боливаров.

Я перечисляю цифры лишь потому, что на их фоне блекнут всякие разговоры о «народной любви» к вождю Мадуро.

Как отреагировали «любящие» граждане на гиперинфляцию, отсутствие лекарств и туалетной бумаги, ограничения на ежедневное снятие с банковских счетов наличных и начисление пенсий в Petro, которые не принимают ни в одном магазине? Три миллиона уехали, остальные пытаются выживать на местах.

Тема криптовалют никогда бы не возникла в Венесуэле, если бы власти не запрещали гражданам пользоваться свободно конвертируемыми деньгами.

Проблема, однако, в том, что внутри страны обменивать людям нечего. Средняя зарплата — четыре доллара в месяц, к тому же выплачивается в боливарах. Пока добежишь до местного валютного спекулянта, бумажки обесценятся до трех долларов.

Весь приход, какой только есть, — это заработки родных и близких, эмигрировавших в Колумбию, Аргентину,

Боливар не вынесет биткоин

Венесуэла полюбила
криптовалюты
и проигнорировала Petro

Бразилию и далее по всей Америке. Как, однако, их деньги переправить в Венесуэлу, если запрещено пользоваться конвертируемой валютой?

Тут-то и пришли на помощь криптовалюты. Поначалу использовали биткоины, хотя это решение и могло показаться странным: разве не биткоин обесценился на бирже с 19 тысяч долларов в декабре 2017-го до 4 тысяч в наши дни? Венесуэльцы, однако, сравнивали биржевое обесценивание биткоина с чашкой родного кофе за 280 миллионов боливаров, и переживания снимало как рукой.

Проблемы с биткоином возникли там, где их меньше всего ждали. Не слабая анонимность, не высокие комиссионные и не заторможенность транзакций, а техническая сложность отвратила рядовых венесуэльцев от пионера криптовалют. Блокчейны, виртуальные и холодные кошельки, биржи, обменные пункты, а главное, непреложное условие обладания компьютером или смартфоном — вот обстоятельства, помешавшие массовому распространению биткоина в Венесуэле.

О каких компьютерах и смартфонах может идти речь в стране со средней заработной платой четыре доллара?

Почему рядовые венесуэльцы из более чем 1600 криптовалют остановили свой выбор на Dash?

Здесь ошибочна сама постановка вопроса: не венесуэльцы выбрали Dash, а Dash выбрала венесуэльцев! Организаторы этой криптовалюты приложили поистине героические усилия для того, чтобы сделать ее понятной и доступной широким слоям населения.

Dash как криптовалюта, безусловно, наделена объективными достоинствами: это открытая и децентрализованная платежная система с подлинной анонимностью, сервисом мгновенных транзакций,

символическими комиссионными и отсутствием посредников. Однако такими же достоинствами обладает и Monero, и Zcash, и XLM, и IOTA, и еще пара сотен криптовалют.

Конек Dash — уникальные формы адаптации, разработанные специально для Венесуэлы. В августе 2018 года команда Dash заключила соглашение с производителем смартфонов Kripto Mobile, который добавил к своей линейке бюджетную модель со встроенным набором приложений для использования этой криптовалюты в качестве платежного инструмента.

Следующий шаг — запуск сервиса Dash Text и договор с крупнейшими мобильными операторами Венесуэлы Movistar и Digitel об использовании СМС-сообщений для создания кошелька, отправки и получения криптовалюты.

Именно Dash Text обеспечил этой криптовалюте решающее преимущество над конкурентами в Венесуэле, поскольку позволил хранить деньги и совершать переводы пользователям, у которых не было ни компьютеров, ни планшетов, ни смартфонов. Для полноценной работы с Dash в Венесуэле достаточно дешевого кнопочного телефона.

Поговорим теперь о Petro. Национальная криптовалюта была анонсирована Николасом Мадуро в декабре 2017 года, акkurat на пике биржевого криптопузыря, и это временное совпадение, безусловно, укрепляло революционную риторику о «денежном суверенитете» и «прорыве финансовой блокады».

Ключевая проблема венесуэльской экономики последних 20 лет вытекает из одной пикантной непоследовательности власти. С одной стороны, революционное правительство люто сражалось с мировым империализмом не только на словах, но и на деле — национализируя иностранную

собственность. С другой стороны, кукловод и жупел этого самого мирового империализма — США — до самого последнего момента оставались главным торговым партнером Венесуэлы.

В какой-то момент у кукловода лопнуло терпение, и в ответ на очередную порцию революционных проклятий он кормушку прихлопнул.

В условиях жесточайшего экономического и финансового кризиса продлить агонию правительство Мадуро могло, лишь получив доступ к дешевым кредитам. И тогда какому-то технологически продвинутому министру пришла в голову хитрая уловка с «криптовалютой» Petro.

Кавычки я использую не ради стилиа, а подчеркивая истинное положение вещей. Petro никогда не была криптовалютой, а всегда была токеном, к тому же туманной этиологии.

Криптовалюта — это расчетная единица, сделки с которой осуществляются в децентрализованной, криптографически защищенной базе данных — блокчейне.

Токен — это долговое обязательство или контракт на оказание услуг в настоящем, либо в будущем.

У Petro никогда не было своего блокчейна. Сначала было заявлено, что «национальная криптовалюта Венесуэлы» будет существовать в блокчейне Ethereum, то есть в виде токена ERC-20. Затем документацию поменяли, перенесли «криптовалюту» в блокчейн NEM. В последний момент опять передумали и «прописались» в Ethereum.

Не приходится говорить и о какой-либо децентрализации Petro: формально токен Мадуро привязан к стоимости 1 барреля венесуэльской нефти, однако эта стоимость определяется не рыночным курсом (который ходит в диапазоне 42–72 доллара), а декретами президента страны. К тому же в качестве обеспечения «криптовалюты» предлагаются нефтяные запасы месторождения Ayacucho 1 в регионе Атапире, которые никем и никогда не разрабатывались.

В августе 2018 года Petro объявили «законным платежным средством», обязательным к приему на территории Венесуэлы, привязали к нему суверенный боливар (1 Petro = 3600 «суверенок»), а затем — цены и зарплаты.

В декабре пенсионерам стали начислять пенсии в Petro, которые непонятно как и непонятно где отоваривать: местные магазины псевдокриптовалюту не принимают.

В довершение бед Национальная ассамблея (та, которая с Хуаном Гуайдо) конституировала, что проект Petro нарушил сразу три положения Конституции: запрет на создание альтернативных платежных средств, запрет на обременение государства международными долговыми обязательствами без разрешения парламента и запрет на использование сырьевых ресурсов в качестве обеспечительного залога международных обязательств.

За пределами Венесуэлы разночтений в понимании сути «национальной криптовалюты» не возникает: аналитики определяют Petro как завуалированную попытку форвардной продажи венесуэльской нефти. В самой криптоиндустрии царит еще большая ясность: независимый публичный каталог первичных размещений токенов (ICOindex) сопроводил детище Мадуро рейтингом Scam (афера, финансовая махинация).

История эта поучительна в первую очередь потому, что демонстрирует, до какой степени эластична в наши дни терминология.

Одно радует: к венесуэльцам эти терминологические передергивания отношения не имеют. Для венесуэльцев Petro был и остается фикцией, а последнее прибежище от нищеты им дает самая что ни на есть настоящая крипта — Dash.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ, «Новая»